

ПЛАТОН

СЕРГЕЙ

ТЕАТРАЛЬНЫЕ

КАВЕРЗЫ

Сергей Платон

Театральные каверзы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9307447

ISBN 978-5-4474-0603-5

Аннотация

Эта артистичная повесть адресована молодым, только начинающим замышлять сценическую карьеру и, возможно, тем, кто уже давным-давно прекратил лицедействовать. А еще, она наверняка заинтересует пытливых зрителей, стремящихся подробно разузнать, чем же дышат и живут многие актеры до и после сцены, и разобраться, наконец, в безусловных законах изумительного искусства из пыли, фанеры, раскрашенных тряпок, разрисованных людей, диковинных предметов, разноцветного света и необычных звуков.

Содержание

1	5
2	6
3	10
4	16
5	19
6	27
7	29
8	30
9	33
10	37
11	45
12	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Театральные каверзы

повесть

Сергей Платон

© Сергей Платон, 2015

© Мария Орлова, дизайн обложки, 2015

Корректор Татьяна Иофина

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

1

Да не собирался он быть актером. В детском саду ему очень хотелось стать ассенизатором. Именно ассенизатором в детском саду – молодым хохотливым парнем, лихо подкапывающим раз в неделю к забору садика на грандиозной пузатой машине.

Хотелось так же заразительно смеяться над потешными детсадовцами, живописно развешанными по сетке забора, обзывать их карапузнёй, размашистым жестом двигать разноцветные рычажки и чудесным образом выволакивать из-под цистерны гибкий хобот сизой трубы, превращая машину в недовольно урчащего серого слона на четырех колесах.

Маленький Егор долго не мог запомнить мудреное название вожденной профессии, а потому, когда его спрашивали, кем станет, когда вырастет, звонко заявлял:

– Говновозом!

2

Ни о каком творчестве в детстве и юности не мечтал. Да он, похоже, и не мечтал никогда. На редкость удачная, спокойная школа быстро наладила хорошие отношения с точными науками, аккуратно оградив от обычных юношеских безобразий и драм. Все необходимые жизненные прививки были поставлены вовремя, так что болезни роста случались редко, протекали мягонько, а чаще всего вообще не случались. Счастливчик, у него были приличные учителя. Бывает же такое.

Лакомую радость познания он испытал в пятом классе и с тех пор не тяготился никаким обучением, даже стремился к нему, легко побеждая природную праздность. Обнаружив в себе интерес к изучению мира «через себя», пробовал думать о себе и людях, о себе и пространствах, о себе и явлениях. Думать понравилось.

Всех пятиклашек с весны перевели во вторую смену. Егорке теперь доставалась целая половина дня с утра до начала уроков! Тратилась «целая половина» на домашние задания, на Крапивина и Дюма, на Бажова, Свифта и Гофмана, на всякие неторопливые раздумья, на тортики и конфеты в процессе чтения, и на томатный сок вместо обеда.

Мама ловко, ненавязчиво выстраивала читательскую программу отпрыска. Вслед за мифами Древней Греции он про-

глатывал волшебные русские сказки Афанасьева, впечатлялся записками императрицы Екатерины Великой или княгини Дашковой, а после Сабатини и Дефо брался за потрясающие поморские были Шергина и Писахова.

С этих-то самых, запредельных книжных высот изумленный читатель и шлепнулся обратно в комнату, наполненную белым едким туманом резиновой гари. У входной двери истошно орал звонок. Кеды! Прежде чем взяться за книгу, он выучил уроки, выстирал новенькие китайские кеды и поставил их немного подсушиться в духовку газовой плиты. Подсушил!

Егор мигом распахнул сотрясаемую стуком дверь, ринулся на кухню, выключил газ и начал раскрывать окно. Вбежавший вслед за ним сосед из девятой квартиры, девятиклассник Паша, метнулся к раковине, зачем-то набрал полную кастрюлю холодной воды и плеснул на раскаленное духовочное стекло. Брызги, пополам со стеклянными осколками и паром, взорвались эффектным гейзером. На решетке догорал фантастический резиновый пирог с выжившими в огне ярко-красными тлеющими шнурками. Оба засмотрелись на колоритное зрелище.

– Так кем ты, говоришь, мечтал быть в детстве? Пожарником? Или пекарем? – начинал веселиться Пашка. – Мечты сбываются!

– Ассенизатором, – отвечал Егор, кое-как подавляя смешливые ноты.

– Кем?

– Ассенизатором, – уже озорно смеялся незадачливый пекарь-поджигатель.

– Ну, нет. С этим делом ты давай без меня. А ты зачем их туда запихал?

– Сушил.

– Высушил?

– Высушил.

– Молодец! – с деланной серьезностью похвалил Павел, отправляясь в комнату открывать окна.

Он с увлечением разглядывал разложенные по всем диванам, креслам, столам и стульям книги, учебники, тетради и ручки. Особенно заинтересовался учебником истории, открытым на последней странице.

– Учишься?

– Уроки учу, – смутился Егор.

– Молодчина, – искренне и уважительно проговорил старшеклассник, – герой и молодец! Может быть, расскажешь?

– Что?

– Все, что выучил. Как на уроке.

– Тебе?

– А чем я хуже твоих тупеньких одноклассников?

– Они не тупенькие, – обиделся Егор.

– Ладно, ладно, прости. Так расскажешь?

– Хорошо.

Собравшись с мыслями и духом, набрав полную грудь воз-

духа, Егор звучно протараторил сегодняшний и завтрашний параграфы по истории, потом задание по географии, потом показал решения задач, подкрепляя их необходимыми комментариями. Павел оказался слушателем благодарным, терпеливым, благожелательным, ни разу не перебил. Егор ожидал похвалы.

– Да, – через большую паузу заговорил Паша, – вроде все здорово, да что-то не так. Слушай, а ты не мог бы все то же самое рассказать еще раз, но только уже мне?

– Как это?

– Да так, просто. Без выражения. Садись поближе и рассказывай. Не декламируй, не ори, не тужься, не пыжься. Понимаешь? Без зубрежки. Но только так же быстро, а то я опоздаю на тренировку. Попробуем?

– Хорошо.

Проба оказалась удачной. На сей раз начинающий риторик говорил не вообще, а живо рассказывал хорошему живому человеку что-то новое, искренне делился узнанным. Тужиться и пыжиться, оказывается, намного трудней, чем просто рассказывать. В школу он тогда отправился в летних сандалиях, сочтя невозможным совершать весенний поход за знаниями под громоыхание тяжелых зимних ботинок, несколько подморозил ноги, заработал насморк и четыре самые памятные свои пятерки.

3

Егор вырос в человека домашнего, ежедневно завтракающего, часто смотрящего телевизор, гуляющего только ранними вечерами, редко мастурбирующего, много читающего. Университетские успехи воспринимал спокойно, успехами не считал и никаких восторгов по поводу наладившейся у него чисто плотной, системной, предсказуемой жизни не испытывал.

Он был красив, но, как водится, об этом не знал; был высок и легок. Лицо, волосы, ладони, тело и, казалось бы, незначительные, а в самом-то деле, очень важные составляющие прекрасного визуального образа – пластика, одежда, голос, запах, – как выражаются искусствоведы, безукоризненно и гармонично сочетались в нем «по массам».

Никто из близких так и не удосужился рассмотреть тело двадцатилетнего Егора, примеряя на него антично-скульптурные идеалы мужской красоты, и уж, тем более, рассказать о результатах этих примерок. А впрочем, не было у них никакой возможности для рассматривания телесных нюансов. Он всегда был одет.

Одна из крепчайших семейных традиций нашего большинства народонаселения – разгуливание парня по дому в трусах – воспринималась им как что-то неприличное, диковатое, странное. Каждое утро, помимо белья, надевал до-

машинные джинсы и футболку, перед выходом из дома переодевался, вернувшись домой опять возвращался в домашнее, и только перед сном обнажался. Переодевания эти происходили в обязательном одиночестве, никаких наблюдателей не предусматривалось.

Но когда бы сопоставление состоялось, тут же обнаружилось бы очевидное отличие – удлинённые пропорции и сдержанная графика в тех местах, где у Давида и других мраморных ребят, излишне перекаченных, по мнению большинства девушек нашего века, располагается груда мышц. Егорова красота тоже была атлетична, но если ее и называть атлетикой, то очень легкой, даже элегантной.

Нет, никакой подиумной рафинированности, женоподобной грации или гламурной бисексуальности в этом атлетизме не было. Красив он был по-мужски, вернее будет сказать, по-юношески. Из подобных «вечных молодых людей» получаются красивые старики, редкость по нынешним временам невероятная.

Стандартная мужская старость скверна, корява, безобразна. В этом он уверился еще в детстве, поскольку уже тогда начал внимательно смотреть за людьми и размышлять о людях.

Оттенки тлена проявляются в образе молодого мужчины на пороге зрелости и остаются с ним навсегда, как пара пожелтевших веток в кроне юного дерева ранней весной. Поначалу они лишь подчеркивают силу и свежесть. Но с годами,

порой очень быстро, становятся основными чертами мужского портрета. Не ветки, конечно же, оттенки. Их не принято декорировать, скрывать или стесняться, многие ими даже гордятся.

Долгое ухаживание за собственным внешним видом и, уж тем более, многочисленные приемы дамской борьбы с некрасивостью почитаются у мужчин делом постыдным. Нормальный парень никогда не станет маскировать мимические морщины. Мыться, бриться, причесываться – вполне достаточная формула эстетизации современного мужского облика.

Ну и, конечно же, парфюм. Редкий мужчина обходится без любимого запаха, причем окружающие этого запаха никогда не почувствуют, поскольку не для них этот запах, а для собственных позитивных ощущений. Брызнул утром на кадык – весь день ощущаешь.

Мнение окружающих об актуальности модельерных изысков и портняжных премудростей в мужском костюме тоже учитывается в последнюю очередь. Модные тенденции и нарядная одежда – это для артистов, женщин и педерастов. Именно в таком порядке. Масса мужчин в этом смысле тщательно и точно следует стилю неряшливой, удобной простоты. Следовал ему и Егор, быстро разобравшись в гендерных ритуалах своего времени и нюансах внешней атрибутики, отличающих мужчину нормального.

В домашнем зеркале Егор видел довольно симпатичное, но среднее лицо: русые волосы, ровные брови, светло-синие

глаза, прямой некрупный нос, тонкие губы, острый подбородок, высокая шея. Ничего особенного. Своих больших, миндалевидных, чуть раскосых глаз, придающих лицу трогательное лисье обаяние, не замечал.

Зеркала почти всегда привирают. В них мы видим отражение, а не себя. Кому-то они незаслуженно подрисовывают пару-другую плюсовых черт, и человек начинает считать себя безусловным красавцем, а у кого-то снимают лишние, по их мнению, объемы или краски.

Зеркальные подвохи рано формируют наше отношение к своему лицу, и мы упрямо отбираем из тысячи личных фото десяток наиболее удачных портретов, хоть в чем-то похожих на привычное отражение. А ведь оно зависит не столько от зеркального перевертыша «право-налево», сколько от освещения пространства, в котором располагается зеркало и отражаемый объект, да еще от ракурса просмотра. Попробуйте перенести лампочку чуть выше или ниже, склонив голову набок, – из-за зеркального стекла на вас тут же посмотрит другой человек.

На самом деле Егор был красив чрезвычайно.

Фронтально, в профиль, во всех возможных ракурсах-полуракурсах его лицо оставалось неизменно прекрасным. Киношники называют такие лица киногоиничными. Созревающие девочки вырезают их из модельных журналов и вклеивают в свои смешные дневники. Обычные мужчины (причем, всех возрастов) относятся к ним настороженно, ведь это

редкость, а значит необычность, а значит – «не наш». Хоть и упрятана такая подозрительность глубоко в подсознание, но на реальные отношения с красавчиками влияет постоянно.

Большинство обыкновенных мужчин прекрасны чем угодно, да только не визуальным обликом. Их краткая миловидность, ежели она вообще существовала, остается в глубинах юности. Лет этак с пятнадцати они стремительно меняются, становясь кургузыми, грушевидными, мосластыми, пузатыми, кривыми, мешковатыми, пельменеподобными, рыхлыми, плешивыми или мохнатыми, оставаясь при этом сильными, выносливыми, добрыми, активными, волевыми, умными. Это почему-то называется возмужанием.

Мировое устройство в этом смысле понятно, вопросы остаются к замыслу мира. Ясно, что «с лица воду не пить» и «женщина любит ушами», но почему не сделать так, чтоб все отличные мужские качества находили бы зримое отражение в лице, одежде, теле?

– Мужская часть человечества в массе своей уродлива и нелепа, – бормотал озадаченный Егор, наблюдая по телеку очередной репортаж с очередного модного венчания очередной красавицы и чудовища. Мысли о телесной близости, предстоящей молодоженам брачной ночью, ужасали. После таких впечатлений он подолгу смотрел в зеркало, предполагая, как же сам начнет дурнеть.

И с гигиеной-то все у него было нормально, и с одеждой,

и с учебой, и с любовными похождениями. Но чего-то существенного не хватало. Жизнь походила на вкусный обильный обед, поданный вдогонку не менее вкусному обильному завтраку. Даже самые изысканные лакомства в такой ситуации сытый желудок не порадуют. Очень хотелось свежих впечатлений, сочных ощущений, прекрасных неожиданностей, ошеломляющих событий.

Ничто произошедшее в последние годы до уровня событий не дотягивало. Монотонный банальный быт, ровное следование уверенным курсом в сторону тихой гавани какого-нибудь карьерного успеха и только время от времени туманное предчувствие перемен. Каких? Когда?

4

Артиста из него вылепила любовь. Как-то криво в этот раз все у него сложилось с этой странной любовью. Гейша была искренней, славной, давно ожидаемой, а вот ведь – повисла на нем как липкий водянистый снег, пригнувший вчера и так изогнутые городские деревья к блестящим медным проводам, остановив неуклюжие туши троллейбусов.

Очень странное чувство непосильной и даже нудноватой тяжести тормозило привычные бравурные ритмы беззаботных собутыльных встреч с веселыми однокурсниками, отвлекало от прекрасной книжной зауми и не давало наслаждаться одинокими вечерними уборками в блистательно чистой, собственноручно выдраенной и собственноразлично вылизанной квартире.

Раньше с любовью ничего подобного не происходило. Взгляд – улыбка – неловкий диалог – встреча – близость – прогулки – легонькая болтовня – легонькое расставание. Прелесть что такое! И никаких драматических переживаний. Погуляли, полюбили, разлюбились. Он, конечно же, предполагал счастливую семейную историю, когда вместе и навсегда, но пока получалось рядом и ненадолго.

Впереди была целая жизнь, и он ничуть не сомневался в том, что будет нормально любим, сам станет нормально любящим, выкормит нормальных детенышей и все будет хо-

рошо. Кроме любви у человека есть ведь еще масса важных предназначений. Любовь – дело нехитрое; дружба-то или карьера посложнее будут. Тем более в юности, когда целый мир требует от тебя постижения. Или все-таки юность требует срочного постижения целого мира, надеясь быстренько разобраться в человеческих предназначениях?

Подрастая, младенец стремительно постигает объемы кровати, комнаты, дома. Разобравшись с двором, ребенок тут же раздвигает пространство собственной реальности в границы соседних улиц, площадей, незнакомых районов и дальних городских окраин. Расширение мира возможно только в его личном присутствии.

Изучив и присвоив свой город, подросток начинает тянуться в другие города, регионы, страны, континенты. Книжные путешествия этих стремлений не утоляют, память настырно переносит экзотические литературные события в знакомые с детства места. Под дуэль благородного героя отводится соседний пустырь, королевский замок располагается в парке культуры и отдыха, а несчастная барышня тонет в обмелевшем городском пруду у радиозавода.

Юноша торопится сам, собственными ногами, глазами, носом ощутить и впитать в себя круговую панораму мира. Не каждому удастся вовремя пройти необычными дорогами, посмотреть на диковинные жилища других людей, уловить запахи иных земель. Многие застревают на уровне города. Где родился – там и пригодился. А дальше все в обратном

порядке. Город – район – улица – двор – дом – комната – кровать и возвращение туда, откуда явился в этот мир. Поэтому и спешит молодой человек набрать мировых впечатлений.

Ах, как по-разному звучит одна и та же фраза, какие разительные смыслы транслирует!

– Мама, я пошел гулять! – кричал десятилетний Егор в сторону кухни и, не дожидаясь ответа, неся во двор.

Ответ настигал на вылете из подъезда:

– Чтобы в девять был дома!

– Мама, я пошел гулять. Буду завтра, – говорил Егор двадцатилетний, отпихивая от себя мамины руки, поправляющие ворот куртки. – Пока, пока!

– Погуляй, сыночек. Пока.

5

Крепкий и громкий металлический лифт поднял его тогда на пятый этаж. Он ехал выносить мусор из квартиры, которую совсем недавно откусила университетская приятельница Светка. Грезился прекрасный вечер, в течение которого было необходимо не только весело разгрести завалы барахла прежних жильцов и сочинить безумные варианты ремонта, но еще, как говорится, и-и-и...

Зараза она все-таки. Стяжать такое жильё в самом центре! Да еще в таком доме. Завидовал. Прежде всего, наличию мамы – командира жилотдела городской администрации. Только такие крепкие мамы дают такие крепкие, сухие и очень довоенные дома с высокими потолками. Тогда он еще не знал, что и его мама уже почти сподобила сыночку крохотную уютную квартирку в панельной пятиэтажке на окраине. Квартиры, оказывается, здорово походят на мам.

Напитанный светло-желтой завистью, крутил медный ба-
рашек механического звонка, топал по паркету (крепкий!) и разливался восторгами в сторону микродеревца, прилепившегося напротив кухонного окна прямо на крыше, прямо над кривым переулком.

Надувшись кофе из случайной кастрюльки и насидевшись на широком подоконнике (мебели-то еще не было), они заглянули в огромный куб комнаты, в центре которого сия-

ла мусорная куча. Светлая и солнечная, она состояла из каких-то тетрадей, бумаг и невероятного количества распущенных детских альбомов для рисования. Поначалу показалось, что именно из нее на стены, потолок и за окошко лился нестерпимо желтый пыльный свет.

Жмурились и листали.

Вот тут долгое, подробное удовольствие археологов и мусорщиков резко потревожил образ бывшей хозяйки. Они вдруг осознали, что прикоснулись к праху чужой жизни, и заглядывались по сторонам. В комнате будто появился кто-то третий. Хозяйка? Стало ясно, что это она всю жизнь аккуратно подклеивала в альбомы и тетрадки тысячи газетных вырезок, снабжая каждую рифмованными словами. Неловко. Вот уже час они ковырялись в пожелтевших останках жизни недавно умершего человека.

Стихи были необычными, малосовершенными; каждому листочку – картиночка. Суевливые наследники не вывезли только их. Может потому, что малосовершенные? Как та кривая береза над переулком, уже почувствовавшая весну и обляпавшаяся жиденькой зеленкой нелепых липких листиков.

Однако же, весна тогда оказалась гораздо сильнее неловкостей и мистических образов. Присутствие простой весенней Светки приятно щекотало самолюбие, пробуждало виртуозное красноречие, рождало тысячи остроумных шуточек и наивно-задушевных бесед в кругу таких же

юных, но пока еще беспарных друзей, гордо именующих себя собутыльничками.

Постоянно выпивать что-то алкогольное считалось в их кругу необходимым. Совсем непьющий студент непонятен, неинтересен, подозрителен. С точки зрения большинства однокурсников жизнь такого «пассажира» уныла и лишена сотни естественных радостей.

Егор, Серега, Виталик и Вадик любили соображать на четверых. Но разве это выпивка? Соображения недавних школьников хватало только на самый доступный сегмент алкогольного рынка. Несколько дешевых, быстро

выветривающихся коктейлей, несколько банок светлого пива «на личность», несколько рюмок водчонки или коньячища «на харюшку» – вот, собственно говоря, и вся незамысловатая винная карта двадцатилетних гуляк. О сочетании напитков никто из них никогда не задумывался, легко перемешивая в миксерах своих крепких и плоских желудков всякую суррогатную дрянь.

Микс получался эффектным и ярким. Он позволял немного пошуметь, слегка побезобразничать на вахте, пошлаться по соседним общежитским комнатам, смотаться в ночник, зацепить там свежих девчонок, полночи увлеченно поспорить о ситуации на курсе и о каком-нибудь тривиальном нюансе профессии, что поутру подтверждал нуднейший семинар, этому нюансу посвященный.

Последний год повелось зависать у Егора. Общага находи-

лась далеко от клуба, а егоркин дом вот он, рядышком. Три «однокомнатных» приятеля, с самого первого курса в любой момент великодушно предоставлявшие ему свое тесное общежитское владение на три койки, по выражению Виталика, «для отправления естественных физиологических надобностей молодого растущего организма», чувствовали себя в его доме как дома.

Одессит Виталий Шток шутил постоянно и со зверским серьёзом. Множа сарафанную славу об остроумии своих земляков, парень мыслил остротами. Не проходило и десяти минут, чтоб рядом с ним не раздавался взрыв хохота, за что преподавы сурово карали его изгнанием с лекций. Егор все прорывался за ним записывать, даже блокнотики специальные заводил, но потом бросил. Записывать надо ведь не только фразу, но и контекст, ситуацию, в которой она произнесена, интонацию. На бумаге от сотни виталькиных острот не оставалось почти ни одной достойной увековечивания. Но некоторые были просто шедевральны.

Как-то, собираясь на лекции после очередного загула, и внимательно разглядывая процесс натягивания Егором шерстяных кальсон поверх плавок, Виталик отечески произнес:

– Молодец, Егорушка! Чтобы спускательный аппарат хорошо работал, мальчик его должен в тепле содержать.

На вопрос, есть ли у него крем от клещей, Шток угощал пацанов, собирающих сумку для загородного пикника, фра-

зочкой: «у меня только от прыщей». Посетив кабинет стоматолога, докладывал, что санация показала «период полураспада».

Чаще всего шуточки Штока касались популярной половой тематики.

«Егорино горе» – это о забытом впопыхах на самом видном месте, использованном презервативе. «Всю сантехнику простудит» – о слишком легко одетой девице, дефилирующей в короткой юбке по зимнему бульвару. «Сразу начала меня хватать за места общего пользования» – о своей очередной страстной подруге. Случались и уж совсем пионерские глупости. Вместо утреннего приветствия он тыкал пальцем Егору в грудь: «вот Егор», а потом в джинсовый гульфик: «и егоркин бугор».

Внятно дружили в их «узком кругу ограниченных людей», скорей всего, только Серега и Вадик. Оба крупные, длинноногие, и как многие большие люди, простоватые, наивные, добрые. Из Костромской области они привезли в университетский муравейник уникальную для безбашенных студенческих сообществ крепкую уверенную надежность, проявляющуюся в ровных отношениях даже с самыми закидонисными однокашниками и сквалыжными профессорами. Шток обзывал ребят жеребцами-производителями костромской породы, дразнил генофондом нации, требовал не расходовать попусту семенную жидкость.

– Это вон Егорке позволительно иногда полимонить Дуню

Кулакову одинокими зимними вечерами, а вы обязаны брызгать прицельно и результативно, – корчил серьезную рожу Виталик, – чтобы в маленькой избенке у зачуханной

бабенки народились жеребенки! Здешние девы таких коней с яйцами никогда не видывали, любая даст. Так что, парни, расчехляйте стволы и спасайте отечество. Презики вам теперь ни к чему, можете мне сдавать. Будете побеждать смертность рождаемостью. Информатики, блин, хреновы! Я бы вам диплом уже сегодня выдал, но только по одной дисциплине, по кинематике; красный такой, толстый и длинный!

После подобных тирад тощий Виталик с удовольствием получал от Вадика звонкую затрещину, безуспешно пытался вынуть приготовленный к прогулке стратегический запас презервативов из нагрудного кармана серегиной джинсовки, червяком извивался под усевшимися на него друзьями, приминался подушками и пискляво вопил на всю общагу о бандитском наезде понаехавших хулиганов-лимитчиков, удушающих самую перспективную интеллектуальную единицу математического факультета. В разных вариациях подобная разминка перед тусовкой повторялась постоянно.

Настоящая дружба костромичей вызывала зависть. Таким верным друзьям положено жениться на сестрах. Как же они тосковали друг без дружки, с каким восторгом встречались, вместе постигая неподъемную программу обучения пополам с примитивной наукой студенческих развлечух. Всякий день

выдумывали себе множество общих дел, вовлекая в них новых подруг и остальных членов небольшого общежитского кружка.

Егор ни с кем не дружил, он ждал друга. Вроде бы и с коммуникативностью все у него было в порядке, и круги общения множились, а вот не находился никак человек, которому бы Егор Сергеевич Ланов был бы точно так же ежечасно важен, нужен, интересен. Как же так?

После каникул все неотвеченные вопросы растворились в потоке незапомнившихся событий. Из всего года он хорошо запомнил лишь один потрясающий разговор в своем доме. Всего за одну ночь кружок юных информатиков умудрился досыта наобщаться. Как потом выяснилось, на всю оставшуюся жизнь.

Собирались сначала, как обычно перед каникулами, вчетвером потаскаться по клубам, но гламурный бардак настолько всем осточертел, что решили просто посидеть и попить у Егора. Вечер сразу увел общение от бездумной

болтовни. Говорили о родителях, о родных городах, о стране, о детстве, о любовных победах и поражениях, о мечтах и надеждах, о дружбе, о том, как они важны друг для друга и какие прекрасные перспективы связаны с этой дружбой. Дом наполнила откровенная серьезная значимость.

Егор припомнил милый пионерлагерь «Космос», в который до четырнадцати лет мама отправляла его на все лето,

и немного рассказал о тех солнечных временах. Совсем забытая атмосфера исповедальных наивных рассказов про ребячьи секретки ненадолго вернулась во взрослую жизнь.

6

С пионерским детством ему тоже повезло. Лагерь был стареньким, небольшим (семь отрядов), наполовину заросшим сосновым лесом и каким-то многоуровневым. Деревянные корпуса, спортплощадки, бассейн, клуб, столовая, баня и ритуальная площадь для торжественных линеек, обозначенная высоченным флагштоком с красным флагом, соединялись деревянными мостками и ступенями. Строители разместили домики на нескольких разновысоких холмах так, что фундамент главного корпуса приходился вровень крыше клуба. Между корабельными соснами, в узловатых корнях, лежали навалы огромных валунов и виднелись зигзаги скальных выступов. По камням часто носились юркие зеленые ящерицы.

Три смены пролетали в небольшом количестве обязательных в той стране официальных пионерских мероприятий и невероятном числе нормальных детских дел – концертов, рыбалок, купаний, спортивных состязаний, дискотек, турниров на подушках, измазывании спящих девочек зубной пастой, убеганий с тихого часа, прогулок за территорией, дружб и любовей. Коллектив молодых воспитателей и вожаков смотрел на естественные шалости пионеров сквозь пальцы, сам повсеместно нарушая режим.

Подрастающему Егору нравились пионерские ритуалы и детская советская атрибутика, добавляющие в картин-

ку отроческого бытия краски театрализованной патетики. Он с наслаждением отутюживал алый галстук, наряжался в белые высокие гольфы, широкие синие шорты, слепящую снежным крахмалом рубашку с нашивкой на рукаве в виде пионерского костра, и с особенным шиком пристраивал на макушку

атласный прямоугольник красной пилотки. Форма приобщала к заманчиво важному, сильному, хорошему. Он чувствовал себя козявочной, но уже частью пока малопонятного понятия «прогрессивное человечество», радостно выкрикивал ритмы речевок, шагая в строю, искренне салютовал флагу и старательно орал песню о старом барабанщике, не особенно вникая в ее смысл.

Именно в лагере Егорку научили популярной игре под названием «спичка». Сложных игровых основ она не содержала, служа простым поводом вдоволь пооткровенничать и, ощущая в центре груди теплое удовольствие, прямо пообщаться о чем-то главном. Все садились рядом, зажигали спичку и быстро передавали ее по кругу. Тот, на ком она гасла, должен был честно, как на духу, рассказать что-то важное, посвятить в тайну, ответить на любой вопрос. Выяснилось, что и ребята прекрасно о ней знают.

– Ну что, пионеры, вспомним лагерное детство? – предложил Егор.

Сергей сразу уронил не успевшую разгореться спичку. Пришлось под большим секретом рассказать о почти написанном черновике его первой книги, которую уже читала кафедра. Удивительнейшим образом, самые вменяемые педагоги не только высоко оценили его измышления, но даже добавили немного своих, и теперь заставляют перешагнуть через два курса экстерном, чтобы остаться в аспирантуре. Почти все говорят, что его книжонка – зрелая и емкая кандидатская.

Виталик саркастично поведал о своих гомосексуальных опытах и о том, что скоро женится, в связи с чем придется бросить университет, но он еще поборется с судьбой. Оказывается, у Штока в Одессе должен был родиться ребенок. Будущего папашу тут же весело отправили за водкой.

Егор поведал о своем первом полете, случившимся в лагере, когда они сбежали с дружкой с тихого часа и махнули купаться на речку. Рассказал, как, накупавшись до посинения, валялись на раскаленном асфальте заброшенного шоссе и беззаботно болтали о всяческой ерунде. Как здорово, что они тогда удрали от этих!

8

С каким же упоением, оказывается, можно объедаться разными кислыми и сладкими ягодами в лесу, а затем целый час не вылезать из ледяной речки. И никаких тебе воспитателей-вожатых-физруков! Разговор с другом получался совершенно легоньким, немного наивным (этому-то было всего двенадцать), но очень-очень приятным. Где-то в груди чувствовалось горячее удовольствие. Примерно там, где кончаются ребра. И дело было не в асфальтовой сковородке, на которую они плюхнули свои абсолютно голые, покрытые гусиной кожей, мокрые тела.

Он давно уже заметил, что когда происходит что-то хорошее, в этом самом... (как же оно называется?), в этом под-реберье (кажется, так) всегда разливается жар. Примерно такой же, какой исходил от серого мягкого асфальта,

пропекающего тело насквозь. Примерно такой же, какой с утра выливал на них солнечный шарик. Яркое слепящее тепло погружало в удивительно умиротворенное, но при этом не сонное состояние. Говорить перестали. Смирно лежали,

восторженно разглядывая огромное синее небо с редкими пятнами белых облаков.

Егор тихо соврал, что жариться на асфальте научил его папка, хотя не помнил отца. Фантазия нарисовала недопро-

явленные образы гигантского мужского тела с непомерно длинными сильными руками, часто отрывающими от земли и поднимающими ввысь, царапающей колкости небритого подбородка на вымышленном лице, легкого одеколонного запаха и ласковой силы ладоней. Наплел с три короба про кисти отцовских рук с тонкими пальцами и прозрачным волосяным пухом на фалангах, вытирающие нос. Изобрел аккуратные овалы выпуклых ногтей, тормозящие затылок и вычесывающие забившийся в брови речной песок. Сочинил неразрешимый детский вопрос: почему это на папиных руках растет точно такой же белесый лесок волосков, как и у него на бровях и макушке? При этом продемонстрировал с ухмылкой собственные запястья, подернутые густым белобрысым пухом.

Опять замолчали. Он раскинул руки в стороны, прижав ладони к асфальту, на секунду закрыл глаза, а когда раскрыл – мир перевернулся. Чудесный перевертыш не удивил и не испугал. Егор летел, держа легкий мир на плечах, а под ним плескались синие волны бывшего неба в пенных барашках бывших белых облаков. Настоящее море он видел только в журналах и кино, поэтому то, что воспринимали глаза, и было истинным морем, смыкающемся на линии горизонта с зеленым лесным небом.

Мир возвратился на место под оглушающий скрежет тормозов и грубый крик:

– Ах вы, сучата! Я вам сейчас все жопы надеру!

Над ними нависла кабина еле успевшей затормозить высоченной фуры. Зацепив уже высохшие трусы и комок одежды, ловко уворачиваясь от коренастого мужика, опасно размахивающего монтировкой, они сиганули в сторону леса. Вслед понеслись залпы ругательств. Такой отборной брани и многоступенчатой матерщины ни до, ни после той истории, услышать не доводилось.

Результаты летней ночи откровений оказались неожиданными. Университетский кружок четырех молодых мужчин, перерастающих юность, начал стремительно рассыпаться. Шток через полгода женился, бросил обучение и переселился домой. Серега и Вадик тоже поженились с интервалом в две недели. Не на сестрах, конечно же, на хороших подружках.

Нынешней весной редко захаживающие егоровы собутыльнички часто скучали, книжки валялись на стеллаже, а поспешно расклеенные после зимы окна уже третью неделю безбожно сквозили. Впрочем, кто из них скучал, сквозил и валялся, надо еще посмотреть. Главное, что сам он как-то подрастерялся в своем размеренном уютном мире. Ощущение тихой гармонии последних лет потихонечку таяло, как теплый мартовский снег. Вот ведь.

С Гейшей было хорошо, только виделись редко. За кулисами и в гримерках ночников звали ее Гешка. Дурацкое имечко с мусорным налетом, как впрочем, и кулисы всех ночных клубов, в которых они с Гейшей бывали. Он так и не запомнил ее реального имени. Лариса? Лиза? Алиса? Училась, кажется, в юридическом.

Пока звезда гримировалась, Егор слонялся по клубным танцполам, курилкам и сортирам, робко разглядывая разго-

ряченных пацанов-аниматоров в легких кислотно-пляжных костюмах. При внимательном рассмотрении

выяснялось, что многие из них гораздо старше Егора. Ничего себе пацаны. Дядьки тридцатилетние с довольно потертыми рожами, а отойдешь на метр – юнцы.

Как же странны, все-таки, эти эстрадники. Может быть у драматических, цирковых или киношных как-то иначе? Ничего себе профессия, всю жизнь болтаться в кулисах, наряжаться в мишуру, надменно демонстрировать себя на

служебном входе, загадочно курить, выдавливать из горла фальшивый хохот, и только время от времени выскакивать за спину более или менее известного певца, подогревая и так уже разогретый горячительным зал.

Он любил актеров и почитал многие роли кинозвезд непостижимо прекрасными, удивительными, потрясающими, гениальными. Но разгадать предназначение миллиона обычных артистов не мог. Знаменитый актер и неизвестный артист – разные профессии. В очередной раз придя к этому выводу, Егор прекращал размышления об актерстве.

Гейша работала стрип, и как только вскипала фонограмма ее номера, он несся к площадке. На сцене происходило что-то грандиозное и необыкновенно красивое. Экспрессия желания, вскипающая страсть, жажда и поиск удовлетворения были настолько ясны и убедительны, что неповоротливым охранникам приходилось сильно потеть, отгоняя публику от авансцены.

Егор прислонялся спиной к колонне и любил. Всем собой. До головокружения и слез он чувствовал этот жар.

Почти физическое ощущение странного обладания не шло ни в какое сравнение с их реальными квартирными встречами. Домашняя близость получалась короткой и светливой, после чего дикое количество времени приходилось тратить на выдворение говорливой Гешки из квартиры. Уж очень ей хотелось быть с ним постоянно. Поэтому и поджидала его после лекций, и звонила в неурочные часы, и о любви говорила все время. Он же все время терпеть ее рядом не желал. А видеться хотелось.

С удовольствием, активно и цепко, она вновь штурмовала бытовые ритмы нерешительного Егора, прибавляя им весомую порцию мещанской тривиальности, как будто не замечая, что именно шумная уборка-готовка-стирка пополам с подробными рассказами о том, кто и как из парней ее подруг занашивает белье (мой-то не занашивает, молодец!) выводили его из себя. В результате краткого скандала, теперь уже Егор выводил упирающуюся Гешку из дома, провожал до остановки, и отправлял ночевать в общагу. Он был уверен в том, что уводит ее навсегда. Но встречаться хотелось.

После очередного выпроваживания виделись только на нейтральных территориях – в клубах, на прогулках, в гостях и киношках. На этих территориях Гейша вела себя пристойно.

Ничего японского в щуплой рыжей девочке не было. Разве

что фанатичная любовь к никому не известной рок-группе с труднопроизносимым названием из Поднебесной империи. Четыре маленьких япончика играли вполне американский хард, ничего этнического. Национальный колорит присутствовал только на плакатах и обложках CD-дисков гейшиной коллекции. Придумывая первый стриповый номер и клубный псевдоним, она долго не раздумывала. Назвалась японской Гейшей. Интересно, а бывают ли не японские гейши?

Парни таких девчонок дразнят поганочками. Ладная, но не идеальная фигурка была по жизни упакована в черные джинсы с цепями и кожаную косуху, кривенькие ножки с трудом передвигали массивными Камелотами, прекрасные густые волосы перетягивала темная бандана в белых черепахах. Каракатица, право слово. Как ее, всю увешанную рюкзаками, шарфами, клепаными браслетами и острыми кольцами, пускали на лекции, непонятно. Переодевалась, наверное.

При этом забрызганное пятнышками веснушек узкое лицо, крупные голубые глаза с длинными ресницами, тонкая высокая шея, тоненькие льняные спирали завитков на затылке, умопомрачительный золотистый пушок над верхней губой и напевное мягкое журчание речи перекрывали корявости идиотских нарядов. Егор очень любил ее рассматривать.

Летом Гейша потащила его в театр, какие-то ее друзья играли там кое-то шоу. Егор долго не мог взять в толк, почему не спектакль, и зачем играть шоу где-то еще кроме ночного клуба, но пошел с удовольствием. Оба они не бывали в театрах со школьных времен. Смутные детские воспоминания о маленьких тетеньках, изображающих Буратино и других сказочных мальчиков, ясности в понимание этого искусства не добавляли. Похоже, пришла пора разобраться с ним серьезно.

На ведущей к театру горбатой улочке стоял гвалт. Заливистый собачий лай, звонкий скулеж и пронзительный визг разносился по всем соседним кварталам. Идущие навстречу прохожие улыбались.

– Не иначе как собачья свадьба, – сказал Егор, – надо бы обойти ее аккуратней.

Гейша вцепилась в его рукав и тихо прошипела:

– Давай не пойдем, искусают. Меня один раз покусали в первом классе сильно. Я залезла на стройку, а там собака со щенками сидела. Я их гладила, собака мне руки лизала, так было здорово. А потом прибежал пес, наверное, папа этих щенков, и начал кусаться, гадина. Давай не пойдем...

– Пойдем, пойдем. Надо же посмотреть, что там происходит. Если что, развернемся.

Приблизившись, они заулыбались так же, как и другие прохожие, поскольку увидели зачинщика переполоха. Им оказался небольшой щенок-подросток, загнавший в угол крупную крысу. Это он один шумел на весь район, как будто свора бешенных борзых. Крыса заняла круговую оборону, и сдаваться не собиралась. Какая же она была огромная! Чуть-чуть поменьше щенка. А этот сучий детеныш кусать ее даже не пробовал. Он старался показать свою удивительную находку как можно большему количеству людей. Как же оглушительно он гавкал, подскакивая к очередному человеку и рассказывая о крысе. Люди усмехались, о чем-то с ним говорили, и он был рад стараться. Он то подлетал к перепуганной тетке с рюкзаком, сам пугался ее визга, то метался опять к крысе. Настала очередь Егора и Гейши, к ним понесся, собака.

– Ты чего это разорался, дурак? – крикнул Егор, стараясь отыскать в своем голосе низкие, властные, но при этом отеческие ноты. Получилось немного по-мальчишески, голос его оказался для этой задачи несколько высоковат.

– Тяф! – так же по-мальчишески отозвался щенок и, усевшись, склонил голову набок.

– Чего тяф, сукин сын? – хохотал Егор.

– Гаф! – продолжил общение щенок и улыбнулся. Похоже, ему понравился веселый длинный парень и маленькая девушка, не желающая слезать с дорожного ограждения.

Отклеивание орущей девушки от светофора – задача

сложная, но интересная. Тем более, когда в помощниках у тебя вертлявый гавкающий щенок. Очень эффективна щекотка. Крики ужаса при ее применении сменяются веселыми воплями «дурак!» и ослаблением цепких объятий светофорного основания. Уже через минуту Гейша висела кверху попой на егоровом плече, а крыса гордым конкурным галопом покидала место сражения. В несколько прыжков она пересекла проезжую часть, хмуро оглянулась на шумную человеко-собачью компанию, может быть и сплонула презрительно по-своему, по крысячьи, прежде чем зашагать пешком к гаражам.

Поход в театр продолжился. Щен, как начал его называть Егор, оказался попутчиком симпатичным и вменяемым. Лай прекратил, как только его об этом внятно попросили, терпеливо улыбнулся в ответ на потрепывание ушей, озорно лизнул гейшину руку во время знакомства, чем окончательно очаровал, расположил, примирил. Он преспокойненько шел рядом с Егором, время от времени тычась мордой в колено, как бы проверяя, не исчез ли его новый человеческий друг; иногда забегал вперед, дожидался, и насмешливо игнорировал гейшину трескотню, состоящую из доброй сотни нелепых вопросов. Какая уже, в конце концов, разница, породистый он или нет, сколько ему месяцев от роду, где ночует, хочет ли он у них жить и зачем так машет хвостом? Он их выбрал, он ведь теперь с ними. Вернее, с ним, с другом. Егор все это прекрасно понимал и весело подмигивал.

Щенка оставили в театральном дворе у мусорных контейнеров. Тот покорно согласился ждать и не орать. Знал, сучонок, что у людей есть такие места, куда собак не пускают. Егор выходил несколько раз покурить до начала и убедительно просил не убегать. Собачонок восторженно поделился новым открытием, – по крышке бака прогуливалась черная глянцевая ворона, презрительно его не замечавшая.

Шоу называлось «Кабаре ТЕАТР». Бедные зрители! Ни к варьете, ни к кабаре, ни к какому другому зрелищному жанру это беспомощное, тошнотворное действо отношения не имело. Гейша очень верно обругала его «Шоу РВОТНЫЙ ПОРОШОК».

Семеро немолодых разнофактурных актрис в боа и перьях, будто курицы, стремительно теряющие пух от каждого взмаха, косолапо попркидывались под артисток балета «Лидо» (хорошо хоть груди не обнажили), нетвердо зафиксировались в финальной мизансцене пролога и, не дождавшись аплодисментов, под топот собственных ног, поплелись за кулисы, перекрывая путь рвущемуся на сцену конференсье.

Невысокий юноша-пупс конферировал бездарно, кротко тужился, очевидно стесняясь своего жирноватого тела, втиснутого в не по размеру узкий официантский смокинг. Обильно потел, путал падежи, забывал слова, педалировал невнятным говорком чужие, заранее заготовленные, унылые шутки и мощно фальшивил в интонациях. Короче, врал со-

всем не убедительно, без огонька.

Номера между его выходами сначала смешили самонадеянной придурковатостью, но вскоре начали ужасать зал потрясающе нагленьким провинциальным апломбом, вульгарной самодеятельностью и блеклыми сатиновыми костюмам с новогодними блестками.

Кто-то в зале тихо посвистывал, кто-то уже пробирался к выходу, кто-то громко вступал в остроумные диалоги с незадачливым ведущим, насмехаясь над собственным простодушием, позволившим купиться на волшебное слово «кабаре», покупая билеты. Большинство досиживало до антракта.

Егор скучал. Он уже пересчитал все прожектора и разобрался в очень симпатичной организации сценического пространства, понял, как работает машинерия, где сидит осветитель, где звуковик. Горемычным комедиантам не удавалось держать зал. Рассеянно наблюдая, как коротконогие русские мужчины корчат из себя элегантных зарубежных артистов, он придумывал, где разместить место для Щеника дома, чем его угостить сегодня, чем кормить каждый день;

решал, как часто будет с ним гулять и где купит ошейник с поводком.

Так ведь именно такого ясного, преданного, искреннего друга он и разыскивал среди людей последние годы! Да еще такого, чтоб всегда был рядышком. Что же это за судьба-то

у него совсем бестолковая, щедро предлагающая на роли друзей великолепных, интересных, милых, но – приятелей, а вместо любимой – десяток сговорчивых любовниц? Надо же.

В театре ему понравилось все, кроме происходящего на сцене. От скуки начал раздумывать о мужских типажах. Пожалуй, все мужчины делятся всего на два типа – Мальчиши и Крепыши. Первые всю жизнь тянутся ввысь, вторые крепко стоят на земле и расширяются. Как ни тужился, третьего типажа так и не нашел.

Мальчиш мечтает о далеких путешествиях, чудесных приключениях, благородных победах. Крепыш добивается шикарных игрушек, реальных удовольствий, сладкой еды. Вектор желаний находит зримое выражение в направленности телесного роста – вверх или вширь. Получается так. Должна же выражать внешняя форма глубинную суть, как же иначе? Вот и сложилось очевидное деление всех мужчин на две базовые группы, остальное – вариации и подчеркивающие правило исключения.

Коренастые мужики деловиты, сообразительны, действенны, натуральны. Они никогда не станут создавать что-то эфемерное, утонченно-возвышенное, их стихия – борьба за реальные блага. Живут Крепыши «по горизонтали», триумфально победив в ранней юности интеллектуальное и духовное волевым. Объем бедер красноречив, крепкая широкая задница и весомый балласт грузных ног выдают при-

надлежность к мужицкой породе. Активная жизненная позиция гарантирует телесное благополучие, творчество им ни к чему. Пропорция трех человеческих начал – ум, чувство, воля – перекошена в их организмах в сторону последнего. Центр тяжести у мужиков – ниже пояса. Сообразительны, но не умны. Чувственны, но не духовны.

Мальчишки же продолжают упрямо расти всю оставшуюся жизнь по вертикали; размышляют, переживают, мечтают. Даже если не удивляют человечество грандиозными прозрениями или творческими откровениями, просто уравнивают мир.

Противостояние животного и человеческого – вот о чем призван поведать театр, как и любое другое искусство. Не забавлять безалаберно сляпанными развлечениями, а рассказывать нам о нас. Рассказывать ярко, емко, интересно, потрясающе.

«Так, стоп машина! Что-то ты совсем запутался, Ваше благородие!» – приостановил поток мыслей Егор и засмеялся, удивив дремлющую на плече Гейшу, наверное, подумавшую, что насмешил его корявый юморок очередного как бы комического номера.

– Тебе что, эта блевотина нравится? – недоумевала Гейша.

– Да нет, я о своем. Размышлялку размышляю интересенькую, вечером расскажу, – рассеянно шепнул в ее сторону Егор, возвращаясь к раздумьям.

«Никуда не годится твоя стройная классификация строй-

ности фактур. Про театр – верно, а куда прикажешь подевать великих коренастых коротышек Льва Толстого, Арама Хачатуряна, Евгения Леонова? Эти грандиозные карапузы поднимались в такие заоблачные высоты, до которых ни тебе, ни уж, тем более, туповатым спортсменам, бравым солдатикам, балетным солистам или аморфным заводным манекенам для подиумной одежды, не дотянуться никогда. По твоей логике получается, что каждому более-

менее высокому мужчине суждено являть миру благородные помыслы, философские идеи и возвышенные чувства? Чушь какая-то. Пушкин со своим кривоногим обезьянством и нелепый недомерок Чаплин вообще никуда не вписываются. Ни черта внутреннего внешние мужские черты не выражают и, как правило, наоборот, тщательно маскируют суть».

Последний вывод обрадовал, как и финал злополучного шоу. Хотя Егор запросто еще целый час просидел бы в уютном зальчике, напрягая извилины. Сцена от мыслей не отвлекала.

«Успокойся, пожалуйста, возвышенный мыслитель-тугодум! Ты, конечно же, мужчина длинный, но умишка тебе твой рост не прибавляет!» – веселил он себя, покидая зрительный зал.

Щенка у мусорки не было. С контейнера на контейнер элегантно перепрыгивала знакомая ворона, время от времени роняя из клюва неизвестно зачем ей понадобившуюся драную меховую шапку.

Егор с Гейшей намотали несколько кругов по району, разыскивая потерявшегося щенка. Примерно на третьем встретили расходящихся по домам актеров, оказавшихся в жизни очень милыми и симпатичными людьми. Гейшины друзья сбежали еще в первом акте, так что помочь не могли. Две актрисы на служебном входе поначалу немножко позвездили (Мы автографы не даем!), но, поняв суть проблемы, ненадолго присоединились к поискам, прозорливо подсказав еще одно место для розыска – рынок.

В вещевой части полупустого рынка подошли к развалу белья, футболок, чулок, колготок и носков. Пакующая тюки восточная тетка тут же запричитала низким голосом:

– Труссы, мужчина! Труссы!

Егор моментально смутился, но продолжил изучать не столько обильное содержимое аляпистого лотка, сколько его сложную, многоступенчатую организацию. Щен мог соорудить себе в этом лабиринте место ночлега.

– Труссы, труссы, мужчина! – продолжала голосить торговка.

Из-за занавеса разноцветных рейтузов, разнокалиберных бюстгалтеров и кальсон на свет появилась еще одна продавщица, точно скопированная с первой, но только русская народная. Гейша взялась выбирать ему боксеры, под низкие рулады:

– Трусы, носки, девАчка! Трусы! Трусы! Носки, трусы, мужчина!

Пока стушевавшийся Егор, неловко улыбаясь, трогал товар, вторая торговка резко остановила нудные песни восточной зазывалы:

– Э, подожди, щас понюхают...

В овощной ряд затесалась букинистическая палатка, на задворках которой высилась груда ящиков и пустых коробок – отличное укрытие от ветра с дождем. Краснолицый дед в выпуклых роговых очках с перевязанными изолентой дужками продал им несколько редких, ни разу не читанных книг, и очень удивился отказу от приобретения вместо реализованного утром собрания Бунина полного собрания сочинений Дудина в отличном состоянии. Все же по тридцать рублей!

Модная рыночная молодежь занималась мерчендайзингом в арбузном ряду. Одетые в турецкие кожаные штаны и черные жилетки, такие же темные черноволосые парни сооружали затейливые пирамиды из арбузов, хурмы, персиков, яблок, винограда, ловко завешивая над своим витринным произведением медленно опускающееся, жирное облако ди-

хлофоса из баллончика.

«Так вот почему на этом рынке не бывает мух. Пакостники. Фиг я здесь буду покупать!» – пообещал себе Егор.

Щеник не находился. Поиск решили возобновить завтра с утра, а по дороге домой поссорились. Гейша опрометчиво предложила наплевать на этого песика и купить другого. Егор развернул ее в сторону остановки, сплавил в общагу и, вернувшись в одинокую стерильность дома, разрыдался как мальчик, поняв, что Щен уже не найдется. В память о маленьком друге провидение оставило ему пару шикарных трусов, пять хороших книжек и теплые вязаные носки.

Спасибо.

Поутру, кое-как умывшись и не позавтракав, побежал опять разыскивать Щена. Бесполезно. У театра, как и предполагал, встретился с Гейшей. Помирились как всегда сразу, не вдаваясь в подробности вчерашней размолвки.

Мимо них, к театральному подъезду, построившись парами, плелись нестройные вереницы запинаящихся на каждом шагу непоседливых первоклашек и прочей мелкоты младшего школьного возраста. Вот-вот уже должна была начаться «Дюймовочка». Не сговариваясь, побрели вслед за мелюзгой.

В рядовом детском утреннике они увидели настоящий театр. Это был спектакль! Чудесный, завораживающий, тонкий. Егору все больше и больше нравилось изумительное искусство из пыли, фанеры, раскрашенных тряпок, разрисо-

ванных людей, диковинных предметов, разноцветного света и необычных звуков.

Сцена рассказала историю о том, как милая невинная девушка, беззаботно произрастающая в оранжерее дворцовой жизни, вдруг открывает для себя изнанку придворных интриг, сталкивается с уродливыми условностями существования и гаденькими характерами домашних, уже давно пристроивших ее в жены какому-то, блин, королю эльфов. Хрупкую, непорочную деву такая коварность, знамо дело, не устраивает, и она сбегает из дворца во внешний мир. А мир оказывается не менее уродлив, сплошные подонки, мерзавцы, да моральные инвалиды. Так бы она, видимо, и сгинула среди карикатурных гадин, если бы тот самый эльфовой король (существо тоже невинное и бесполое, неизвестно каким образом выживающее в своем собственном дворце) не образовался у нее на пути. Два сапога – пара! Делаем вывод – нехрена было никуда бегать, их же и так собирались женить. Тревожило только одно, как же эта субтильная парочка выживет? Во дворце-то у невестушки тоже ведь мерзость сплошная.

Вопросы Егор адресовал не актерам, а скорей всего, режиссеру или автору пьесы, что-то ошибочное было заложено в основу прекрасно сыгранной истории. Вчерашние артисты не то что бы удивили, они потрясли. Нынешняя их работа не шла ни в какое сравнение с тошнотворным кабаре, даже пупс-конференсье пребывал на своем месте и был просто ве-

ликолепен. Чудеса.

Гейша согласилась с тем, что спектакль хорош. Не понравилась ей только главная героиня, потому что слишком уж инфантильная, отвратительно милая и приторно нежная. С первого взгляда невзлюбила Гейша юную артистку, да и созданный образ тоже, Дерьмовочкой все норовила обозвать. «Знала бы ты, как часто на нее походишь внешне и во многих своих проявлениях!» – внутренне ерничал Егор, но вслух произносил только свои аналитические размышления о пьесе и спектакле. Гейша слушала тихо, изредка вворачивая в паузы егорова красноречия робкие изречения собственных замечаний, по-детсадовски выпучив восхищенные глаза, ни разу не перебив. Такая форма диалога ему понравилась. Видеться стали часто и почти без конфликтов.

За год удалось посмотреть как минимум сотню спектаклей, драматических, детских, гастрольных, музыкальных, балетных, отменяя ставший привычным, почти ежевечерний, поход в театр только на время сессий.

Встречались вечером в кассах, по пути в гейшин клуб обсуждали увиденное, Егор ехал домой додумывать впечатления и дочитывать книги нудного дядьки Станиславского (детский писатель из него никакой!) или великолепного племянника великого дяди Чехова. Продолжали разговор среди ночи, перемежая его кратеньким сексом, легоньким ужином и заклеиванием пластырем телесного цвета, естественных для любой стиптизерши, свеженьких ссадин и синяков на гейшином теле. Он крепко прирастал и к театру, и к Гейше.

Откровенничал смело, велеречиво, со вкусом, ни капельки не стесняясь рассказывать, как подставляет на место коротконогих дурачков себя, умного и длинноногого. Какой же он все-таки везучий, ему позволяется масштабно думать, осознавать, мыслить; у большинства эта способность отнимается еще в детстве и заменяется плоской сообразительностью. Сразу присваивал очевидные удачи увиденных на сцене ролей, находя оригинальные приемы быстрого исправления проколов, шероховатостей, срывов.

А еще, он с упоением упражнялся в колоритном изложении дневных наблюдений за необычными людьми и ситуациями в городе. Вот об этом и нужно играть так же точно, как оно происходит! Привирал, конечно же, прибавляя тривиальным обстоятельствам немножко более драматичные, с его точки зрения, темы, черты, события, такие, чтобы можно было запросто в театре показать. От этих драматургических выдумок на базе реальных жизненных картинок его бросало то в дрожь, то в хохот. Гейша заражалась «рассказками» на раз, восторгалась вообще-то обычными, но такими прикольными в аранжировках Егора историями и могла полночи выклянчивать продолжения сериала занимательных повествований.

Если уложить самые любимые их диалоги того периода в единый разговор, получится живописный коллаж милых житейских эскизов с резкими переменами времен года, атмосферных условий, действующих лиц и мест действия.

– Началось еще в метро. Я думал, что тресну от хохота! – интригующе зыркал Егор. – Представляешь, на станции в последний момент успеваешь заскочить дедок, вылитая дыня на ножках, хватается за поручень, рожа серьезная, круглая, пухлые щеки ходуном ходят, отдышаться от кросса пытается. И тут как пукнет! Вернее даже не пукнул он, а громыхнул раскатисто на весь пустой вагон протяжно и зычно, будто бы в саксофон дунул.

– Ты был один? – весело выпрашивала Гейша.

– Да в том-то и дело, что нет. Рядышком пара девчонок

сидела, губы правила, тоже из клубешника твоего возвращались, поди. Дедок так элегантно к ним поворачивается и говорит, как в анекдоте: «нервы совсем никуда не годятся». Что тут началось! Эти профурсетки

косметички свои на полвагона рассыпали, ржали так, что на четвереньки свалились. Так и прохохотали они всю дорогу, по вагону ползая, а больше всех потешался нервный дедушка. Представляешь?

– Прикольно!

– Выхожу потом в рассветный город, а там – тишина, машин почти нет, воздух чистенький, солнце желтушное. Не проснулся еще наш термитник. Фонари горят бесполезные, метелью лицо царапает, снежок в рукава задувает. Только я миру порадовался, и тут – бац! Из подъезда на детскую площадку выпуливается мальчуган в трениках драных на коленках, валенки на нем высоченные и шапка-ушанка огромная, а больше ничего и нет. Носится по сугробам, снег зачерпывает и скулит как щенок одно слово: «мама».

– Ну и что?

– Как что? Представляешь, что там у них могло натвориться? На лице у него, как приклеенная, маска горя несусветного. Ребенок же. Может, она просто к соседке поднялась, а этот не вовремя проснулся и ринулся разыскивать, бедолага.

– И что?

– Да бабуля за ним вышла, в пальто закутала, успокоила,

домой увела.

– Вот видишь, как все здорово, а ты драматизировал!

– А вдруг заболела мама? И не будет ее больше у него никогда?

– Да ну тебя, сам же говорил, к соседке поднялась.

– Да. Скорей всего, к соседке, – соглашался Егор и мрачно задумывался.

Потом тряс головой, как пес после купания, отгонял неприятные мысли и продолжал:

– А еще я сколлекционировал красавицу в разных кроссовках, тормозного гардеробщика, скорбный дуэт, танцующих в луже бомжа и бомжиху, бабу с балалайкой у магазина, батюшку на перекуре, мента, избивающего колонны в метро, юного вуайериста на пляже, троллейбусного диджея и нашу вахтершу, Красную шапочку.

– Гигант! – хвалила Гейша, втискиваясь на подушку под его рукой, закутывала тела в прохладный кокон из одеяла и пледа, расчесывала острыми ноготками егоровы брови, тормошила затылок, подтыкала края пледа им под бока, и настраивалась слушать.

– Девушкина красота поразила меня в самое сердце, даже забыл, куда ехал, – многозначительно начинал Егор, – такая фемина составит честь любому мужчине. С ней и в кровати поваляться приятно, и на светском рауте посветить. Не то, что с некоторыми.

– Гадина! Что случилось-то с ней?

– Случилось, наверное. Стоит на остановке такая красота неземная, идеально одетая, в безупречной прическе, а глаза у нее измученные. Смотрит на домогающихся общественно-го транспорта старух, и не видит никого. На левой ноге – коротенький белый кроссовок, на правой – высокий оранжевый. И наплевать ей абсолютно на хихиканье кургузых теток, знает прекрасно, что обулась неправильно, но не это ее занимает. Переживала она, понимаешь? Что-то скверное переживала.

– А потом?

– А потом я поперся на пляж перед лекциями и увидел там счастливого человека.

– Нет, подожди, а с красавицей-то что случилось?

– Осталась на остановке.

– И все?

– Тебе мало? Может быть с ней, наоборот, чего-то не случилось. А может, тяготило ее как раз то, что не случилось с ней чего-то важного никогда?

– Нервная дура какая-то.

– Зато ты у меня очень выдержанная, – раздражался Егор.

– Ну ладно, а на пляже чего? – увертывалась от скандала Гейша.

– Все происходило вокруг женской выжималки, – ляпал Егор и смеялся, – лучше говорить переодевалки, как ты считаешь?

– Кабинки для переодеваний, балда! – весело поправляла

Гейша.

– Точно! Спасибо, коллега! Итак. Улегся я, жарюсь, и чувствую краем глаза...

– Глазами не чувствуют, они для того, чтобы видеть!

– Некоторые шибко уж очень образованные филологи скоро в свою любимую общагу поедут, если опять перебивать будут!

– Молчу, молчу.

– Итак. Чувствую, что на периферии обзора что-то происходит. Присматриваюсь. А вокруг кабинки пацан лет тринадцати трется,дохлый такой, в идиотских семейниках. В стенке кабинки какой-то урод, понимаешь ли, дырищу приличную проковырял, а этот, значит, подзыривает. Такого упоительного восторга и брызжущей радости на лицах людей я давно не видал. Ну, правильно, в койку к тебе ему рановато, в клубы тоже не пускают. Где же он тебя еще увидит голой?

– Дурак!

– Дурак. В смысле он – дурак. А я вот не сразу понял, что это клиника.

– Его хоть застукали?

– Стукали его девки, стукали в прямом смысле слова. Один парень за ним по всему пляжу носился. Только отгонят, а этот опять за свое. И опять восторг на лице, и опять блаженство. Между прочим, наслаждение он не только лицом выражал. Есть в организме у мальчиков такая предательская штуковина, которую очень хорошо заметно, когда

они испытывают удовольствие определенного свойства. Так вот, у него она была взведена на «три пятнадцать». В финале, прошу прощения, все увидели как выглядит «брызжащая радость». Лучше, наверное, говорить «брызги шампанского».

– Какая разница как говорить? Его же лечить надо! Он же насиловать пойдет! – В голосе Гейши звучало негодование. – Кто-нибудь из вас хоть додумался дурку вызвать?

– Нет, – растерялся Егор, – все просто порадовались, что ушел.

– Рано порадовались. Подрстет немного и начнет безобразничать, гад.

– А ты ведь права. Я даже не подумал.

– Глупый, – оттаивала Гейша, ласково похлопывая маленькой ладонью по егорову лбу. – Совсем глупый!

Подушечки ее пальцев приятно касались век, неторопливо изучая географию лица, и они целовались.

– Надо бросать курить, – разглядывал в темноте готические пепельные огоньки сигареток Егор, – только мы с тобой безвольные, ничего у нас в этом смысле не выйдет. Вот ведь какую прилипчивую заразу человечество себе выдумало. И не радуется курению, и не помогает ничем, а фиг отлипнешь. Что уж о нас, убогоньких, говорить, если даже священники покуривают. Представляешь, шел мимо церкви, а в гаражах слугитель культа перекуривал. Прямо как школьник за школой, сигарету кулачком маскировал, дым ладошками развеивал, по сторонам все время озирался,

чтоб не засекали. Затаится и крестится по-быстрому. Всегда удивлялся этой их способности креститься размашисто, будто комаров отгоняя. Бороденка, космы, униформа черная, все как полагается, только глаза у него были нестандартно озорные, не такие как у них у всех, проказливые были глазки и веселые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.